Владимир Никешкин: «Сейчас у нас в разработке дела, о которых заговорят» (Интервью журналу «Своё дело»)

Создание Следственного комитета при Генеральной прокуратуре РФ стало, на наш взгляд, одним из самых значительных событий прошлого года. Работа нового правоохранительного органа сразу стала заметна широкой общественности: комитетом было возбуждено несколько громких дел, в том числе и в Удмуртии, где фигурантами выступают известные чиновники, предприниматели, депутаты.

Общественность восприняла такую активность Следственного комитета неоднозначно, да и не только общественность. В самой прокуратуре создание нового органа приняли в штыки. Так, заместитель генерального прокурора России Сабир Кехлеров назвал этот шаг антиконституционным.

Руководитель Управления следственного комитета по Удмуртской Республике Владимир Никешкин признал в интервью журналу «Свое дело», что и для него известие о лишении прокуратуры функций следствия было шоком.

— Владимир Анатольевич, аналитики отмечают, что ваш комитет, в отличие от большинства других силовых структур, довольно активно действует в информационном пространстве: у вас быстро появился собственный сайт в Интернете, вы оперативно предоставляете информацию представителям СМИ. Такая активность связана с желанием показать, что решение о создании комитета было оправданно?

— Вопрос об оправданности создания Следственного комитета можно рассмотреть с двух позиций. С точки зрения международного права мы обязаны были отделить следствие от надзора. Это было одним из условий вступления в ВТО. И многие российские правозащитники выступали против того, чтобы надзор и следствие были в одном кулаке.

До реформы с согласия прокурора возбуждалось уголовное дело, под его контролем человек привлекался к уголовной ответственности, прокурор же утверждал обвинительное заключение, а его подчиненный поддерживал обвинение в суде. То есть если прокурор сделал ошибку на одном из этапов, то в суде у него уже не было стимула отказаться от обвинения, так как он нес за это персональную ответственность.

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике

Сейчас функции уголовного преследования на досудебной стадии переложены на органы следствия, а за прокурором осталось право на утверждение обвинительного заключения и право в первые сутки отменить постановление о возбуждении уголовного дела.

Хотя, мы считаем, что и тут надо совершенствовать законодательство. На наш взгляд, прокурор не должен вникать в обоснованность возбуждения уголовного дела. Например, нами в выходной день при получении взятки задерживается чиновник. Мы берем его «тепленького» и привлекаем к уголовной ответственности. У нас на руках нет приказа о назначении его на должность, его должностной инструкции и еще массы других документов, которые делают обоснованным возбуждение дела. И может возникнуть следующая ситуация: мы возбуждаем дело, а прокурор по формальным основаниям (так как нет документов, обосновывающих это возбуждение) отменяет постановление. Следовательно, задержанного нам придется отпустить с признанием задержания незаконным и всеми вытекающими оттуда последствиями. Это никак нам не поможет в борьбе с той же коррупцией.

Мы за то, чтобы прокурор мог отменить постановление о возбуждении уголовного дела, но только тогда, когда оно вынесено незаконно. Думаю, что также требует особого совершенствования механизм утверждения обвинительного заключения: прокурору достаточно ограничиться письменным согласием о том, что он согласен с объемом предъявленных обвинений и с квалификацией действий обвиняемого, а утверждать обвинительные заключения должен руководитель следственного органа.

То есть получается, что выделение следственных функций в отдельную структуру в итоге должно привести к более объективному расследованию преступлений. И для обвиняемого стало больше гарантий, что он будет привлечен к ответственности только тогда, когда все на 100% будут уверены в том, что он виновен.

— Надо заметить, что прокуратура не реформировалась очень долго, и даже после распада Союза — это, пожалуй, единственный орган, не подвергшийся реформированию. Почему же некоторые представители прокуратуры так резко высказывались против создания комитета?

— Я отработал в прокуратуре 26 лет, и известие о разделении для меня тоже было шоком. И, конечно, я понимаю, почему прокуратура была против создания Следственного комитета. Потому что следственные функции — это был, наверное, самый сильный и серьезный рычаг в прокуратуре, который давал авторитет и возможность практической реализации задач, которые ставились перед прокуратурой. Можно пугать представлениями, дисциплинарными наказаниями — это все ерунда. Но когда знаешь, что тебя посадят на скамью подсудимых и покажут «небо в клеточку», вот это очень серьезный шаг. А когда у тебя отбирают сильный рычаг — это никому не понравится. Прокуратура — очень сильная структура, многое сделавшая для государства. Наверное, она была единственным органом, которого боялись те, кто нарушает закон. Но думаю, что разделение было правильным шагом, так как времена и подходы меняются.

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике

— В последнее время в Удмуртии появилось много дел, связанных с коррупцией среди чиновников и служащих. С чем, на Ваш взгляд, связана такая активность правоохранительных органов: уровень коррупции в России ведь всегда был высоким, но вот дел уголовных было не очень много?

— Определенный всплеск, может быть, связан с тем, что раньше нас буквально душили показателями: что бы ты ни делал, надо обязательно направить по два дела в суд. Была видимость благополучия и серьезной нагрузки, за счет этого можно было держать штат. Все-таки прокуратура консервативный орган, там больше согласований, проволочек и препонов, нам же руководство из Москвы дало определенную самостоятельность. Пока у нас свобода, поэтому мы сразу взяли в галоп. Сейчас мы перестали расследовать дела не своей подследственности. У нас освободились силы и время, чтобы расследовать серьезные коррупционные дела и другие должностные преступления. Мы серьезно возвращаемся к раскрытию преступлений прошлых лет, которые пылились на полках, и их просто физически не могли завершить. Мы придерживаемся принципа, что у нас не иссякнет работа, пока мы не раскроем последнее преступление, которое лежит даже в архиве.

— То есть Вы считаете, что стали работать эффективнее?

— Я считаю, что эффективность наша несколько снизилась по сравнению с тем временем, когда следователь и прокурор работали в одной упряжке. Раньше прокурор был заинтересован в раскрытии преступления и привлечении к ответственности всех заподозренных в преступлении лиц, отстаивал интересы следствия, бился в суде. Сейчас у прокурора такого интереса нет, и он, стоящий на формальной точке зрения, не будет делать следствию никаких послаблений.

Что касается положительных результатов нашей работы, то они достигнуты путем неимоверных усилий. Наше основное звено — следователи — несут всю тяжесть реформы. Я их успокаиваю, что это временное явление, что условия труда станут лучше. Сейчас у нас даже нет машин, и иногда работники выезжают на место происшествия на поезде. Тем не менее показатель по убийствам мы держим на том же уровне — 90%. В Удмуртии один из самых высоких в стране показателей по раскрываемости изнасилований — 93%. Думаю, нам удалось достигнуть таких показателей благодаря сохранению кадрового состава. Практически все те, кто работал на следствии, сейчас работают в Следственном комитете. Шесть работников имеют звание «Почетный работник Прокуратуры РФ» и «Заслуженный юрист УР», порядка 60% следователей имеют стаж работы более 10 лет.

Мы будем продолжать серьезную работу по пресечению преступной деятельности в ходе реализации национальных проектов. Сейчас у нас в разработке ряд должностных лиц — это дела, которые еще удивят всю республику, о которых заговорят. И эти дела будут буквально в течение ближайшего времени.

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике

— Может быть, раньше запрещали возбуждать дела на чиновников? То есть правоохранительные органы сами были частью коррупционной машины?

— На следствии я работаю много лет, и за все время практически никакого серьезного давления на меня не было. Раньше были намеки, а последние три года, будучи в должности зампрокурора, я не получал никаких сомнительных предложений, и никто препятствий мне не чинил.

— Тогда как можно объяснить, что после ареста Алексея Закурдаева выяснилось, что о его «преступной» деятельности знали еще с 2003 года? Почему же правоохранительные органы ждали три года?

— С точки зрения обывателя, может быть, дело Закурдаева выглядит именно так, что мы ждали, когда нам дадут разрешение на его арест. Но «знать» — это еще не значит располагать достаточными доказательствами для возбуждения уголовного дела, и чтобы привлечь того же Закурдаева, нужно было провести массу аналитической и оперативной работы. Закурдаев очень непростой человек, и нам было очень трудно. И раньше у нас просто не было веских оснований, чтобы предъявить обвинение.

У нас и сейчас есть данные по чиновникам, которые совершают преступления, но мы пока не можем взять их за руку. Сейчас, возможно, еще дольше придется ждать, чтобы пресечь чью-то преступную деятельность, так как прокуратура идет с нами не в одной связке, а параллельно, хотя задачи у нас одни и те же. Коррупционная система — очень хитрая штука, латентная. Но увеличение числа дел о взяточничестве вовсе не обозначает рост взяточничества. Это значит, что работать мы стали лучше. Поэтому сейчас надо хлопать в ладоши оттого, что мы столько коррупционеров наказываем.

— Из последних так называемых «громких дел» какое можете особо отметить?

— Это дело начальника республиканского УБЭП Быкова. В этом деле заложена «бомба» под всю коррупционную систему. Преступник не был пойман с поличным: его осудили на основании доказательств, которые были добыты в ходе расследования.

Я считаю, что судья проявил высокий профессионализм и гражданское мужество, сочтя доказательства, собранные на предварительном следствии, убедительными. И приговор этот не обжаловал даже осужденный. Говорят, «не пойман — не вор», а вот нет, даже если не пойман, будешь считаться вором. Я считаю, это станет определенным сдерживающим фактором для тех лиц, которые совершают эти преступления.

Могу открыть маленькую тайну о том, как был привлечен к ответственности бывший начальник управления имущественных отношений Кожевников. Ко мне приходили простые граждане с жалобами на него, но уличить его у нас не получалось. Тогда мы совместно с

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике

оперативниками разработали план и целенаправленно начали работать, чтобы поймать его с поличным. Это тоже показательный пример: о коррупционном деянии сообщили граждане. Если люди знают о коррупционерах, они должны смело об этом сообщать. Мы ведем разработку и по анонимным сообщениям, и без указания конкретных фактов преступления. Но тут, конечно, надо быть более внимательным и отсеивать истинные жалобы от клеветы.

— Бытует мнение, что у вас есть определенный план, сколько чиновников вам надо посадить. По другим слухам известно, что, например, руководство того или иного ведомства само, так сказать, «сливает» тех, кто «зарвался».

— У нас один план — борьба с коррупцией. Я знаю, что подобные планы есть в ГИБДД, но, считаю, это в корне неправильный посыл: такая система ведет к тому, что ищешь мелких нарушителей — мелюзгу, а киты в это время уходят от ответственности. Нашим девизом стали слова, сказанные Александром Бастрыкиным — главой Следственного комитета при Прокуратуре РФ: «Сегодня мы имеем уникальный шанс создать новую высокоэффективную структуру, в которой профессионализм будет идти рука об руку с такими понятиями, как нравственность, честь и служба отечеству».

— Вы не считаете, что иногда шумихи вокруг того или иного дела оказывается намного больше, чем результата? Или, например, выясняется, что наказание никак не согласуется с нанесенным ущербом. Например, лесник, который получил два года за взятку в три тысячи рублей, и тут же чиновник, бравший в сотни раз больше, получает сопоставимый или даже меньший срок.

— Конечно, чиновник, нанесший казне миллионный ущерб, опаснее. Я всегда говорил, что «беловоротничковая» преступность самая опасная. Коррупционеры подрывают основу экономики, подрывают веру человека в справедливость, к тому же на чиновника тяжелее найти управу и приговор для него иногда бывает мягче.

Но у меня нет прав обжаловать приговор. Мы сейчас выносим предложения в законодательные органы, чтобы следственному органу было разрешено влиять на вынесенный приговор. Мы хотим быть услышанными. Например, следователь, не спавший ночами, расследовавший какое-либо дело, остается недоволен приговором, считая его слишком мягким, имеет право доложить об этом вышестоящей судебной инстанции, которая в свою очередь проверит его доводы и скажет, прав он или нет. Думаю, тогда правосудие будет еще чище. Нами внесены такие предложения через Следственный комитет, и, возможно, их удастся провести через Государственную Думу.

Дела депутатов — особая история. Так, в декабре мы возбудили уголовные дела по четырем депутатам, по трем находятся материалы в производстве. Народные избранники должны быть примером для народа, а они сами являются правонарушителями.

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике

У нас есть пример, когда мы возбудили уголовное дело против депутата, который выпекал хлеб в хлебопекарне. Когда мы возбудили на него уголовное дело, эксперты дали заключение, что он является невменяемым, психически неполноценным человеком, который не может давать полного отчета своим действиям. И этот человек мало того что являлся депутатом, но и в течение пяти лет кормил хлебом целый район. Слава богу, что хлеб оказался нормальным.

ИА Selfmade, ЖУРНАЛ «СВОЕ ДЕЛО», Интервью №36, Февраль 2008

26 Марта 2009

Адрес страницы: https://udm.sledcom.ru/folder/878447/item/878497

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике